Повесть призрака

Чу Фэйян поспешил вернуться в гостиницу и разве что не залетел на второй этаж, толкая несчастную, почти выбитую дверь. К своему удивлению, воин увидел Цзюнь Шуина на месте, на котором его оставил. Молодой человек, улегшись на кровать, свернулся комочком и отдыхал, чем вызвал легкую улыбку заботливого дася.

— Я вернулся, — ставя на стол кисет с травами, прошел к кровати мужчина. Морально он уже подготовился к встрече с ярким возмущенным взглядом, к темной, сочащейся из узких глаз ненависти, что была призвана спалить его душу. Не удивила бы его и язвительная насмешка, а может быть, и острые, покрытые ядом иглы.

Но ничего такого не было и в помине. Цзюнь Шуин не шелохнулся, оставшись лежать на кровати с плотно закрытыми глазами и сведенными к переносице бровями. Видеть саркастичного убийцу таким кротким оказалось до крайности непривычно. И сам нахмурившись, Чу Фэйян вновь позвал подопечного. А не получив ответа, заметил, что тот слишком тяжело дышит.

— Цзюнь Шуин?! — позвал громче воин, но ответа не последовало. Заподозрив неладное, Чу Фэйян склонился и увидел, что лицо противника покрылось испариной, в волосы, пропитавшись потом, прилипли ко лбу. Жалкий, лишенный сил и мучающийся от боли убийца не собирался реагировать на потревожившего его покой лицемера.

Но благородный дася не мог оставить болезного в столь плачевном состоянии. Аккуратно помогая мужчине сесть на кровати, он заметил, что тот дрожит и обеспокоился сильнее.

— Что с тобой? Почему нехорошо? Где болит? —

хватая темного мечника за запястье, Чу Фэйян намеревался проверить его пульс на наличие отклонений, но получил неожиданное сопротивление. Цзюнь Шуин вырвал руку из тисков чужих пальцев.

— Я в порядке, — пропыхтел заложник ситуации, злобно глянув на причину всех своих бед. — Можешь зайти позже, и вынесешь мой труп… — издевке оказалось не суждено полностью слететь с губ. Несчастный, почувствовав очередное обострение, всхлипнул и, хватаясь за живот, вновь упал на кровать. Не зная, как защититься от дискомфорта, он по наитию пытался свернуться в клубок. Меньше всего Цзюнь Шуина сейчас заботил струящийся по лбу и впалым щекам пот.

— У тебя болит живот?! Позволь мне проверить! — Чу Фэйян не оставил попыток перехватить тонкое запястье подопечного, но тот отчаянно сопротивлялся, словно опасался подпускать к себе мужчину.

— Хватит упрямиться! — невольно рассердился мечник. — Без помощи тебе может стать хуже!

Болезный лишь хрипло усмехнулся. Правда в нынешнем положении его голос звучал скорее жалко, чем грозно:

— А ты лекарь, чтобы мне помогать? Не зазнавайся, ты просто мясник, что притворяется праведником. Я ни на что не жаловался, значит, со мной все в порядке! Оставь свое любопытство, ведешь себя как наседка, как женщина!

— Смеешь говорить такое в своем положении? Я бы еще поспорил на тему того, кто из нас похож на женщину! — несговорчивость Цзюнь Шуина и первородный страх выпустить ситуацию из—под контроля развязали воину язык. На этот раз грубее перехватывая запястье подопечного, Чу

Фэйян вознамерился исключить любые своеволия.

Только вот Цзюнь Шуина это не устраивало. Переживающий не лучшие минуты своей жизни, он приподнялся и ухватил нахала за воротник:

— О да, ты в самом деле тот еще мужчина, Чу-дася! Здесь только я ношу эту штуку в животе, так что да, больше похож на женщину! Так хочешь узнать, что со мной? Ну так я тебе скажу! Твой сын чертовски сильно пинается и мне больно! Добился своего?! С чего вдруг я тебе должен был это рассказывать, а, Чу-дася?!

Лицо Шуина оказалось настолько близко к лику Чу Фэйяна, что мечник почувствовал горячее дыхание противника на своей коже. Сейчас, он как никогда близко наблюдал смесь негодования, обиды, стыда и других, едва уловимых эмоций во взгляде извечного врага. Сердце воина пропустило удар. Чу Фэйян хорошо запомнил их первую встречу на далекой горе, запомнил, каким предстал перед ним этот интересный мужчина: энергичным, амбициозным и гордым. Но сейчас, из-за одной ошибки, все рухнуло; Цзюнь Шуин лишился всего, о чем так долго мечтал. У него отобрали секту, он остался без сил в довольно щекотливом положении. Чу Фэйян чувствовал, что в большинстве несчастий его противник виноват сам, поэтому не собирался того жалеть.

На мгновение он представил Цзюнь Шуина в другом окружении. Если бы этого человека растил праведный, благородный человек, то скорее всего, мир улин узнал еще одну звезду. Многие бы поклонялись его способностям и внешности. Но все сложилось как сложилось.

Не найдя в теле мужчины серьезных отклонений, Чу Фэйян успокоился, но не выпустил запястье подопечного, используя их маленькую связь для

передачи энергии. Дыхание болезного начало выравниваться, да и взгляд более не казался таким злобным. Цзюнь Шуин не выказывал сопротивления. Опуская голову, темный дася покорно принял теплую, вливающуюся в его тело нить. Боль постепенно сходила на нет, позволяя «матери» немного отдохнуть.

Цзюнь Шуин вновь прикрыл глаза, с удобством устраиваясь на кровати. А Чу Фэйян, дабы лишний раз его не беспокоить, отошел в сторону.

— Я схожу на кухню и сварю лекарство, а ты пока отдыхай, — взгляд звезды мира улин прошелся по лежащим на полу осколкам глины и прочему мусору. — Если тебе не нравится беспорядок, то можешь пройти в мою комнату по соседству. И не пытайся вновь бежать, ты уже должен был понять — в такие моменты лучше не оставаться одному.

Когда Чу Фэйян вернулся в номер с миской лекарства, Цзюнь Шуин глубоко спал, так и не перейдя в другую комнату. Воину не оставалось ничего другого, кроме как отставить посуду с отваром и пойти искать хозяина, чтобы тот сдал им новую комнату. Чу Фэйян со скорбью предвкушал встречу со скупым хозяином постоялого двора. Чу-дася придется несколько раз извиниться и выплатить неплохую компенсацию за устроенный подопечным погром.

Но это были просто деньги. А вот тот факт, что в последующие несколько дней Цзюнь Шуин присмирел, в самом деле взволновал мужчину. Выходец из секты Тяньи более не затевал драк, меньше разговаривал и не пытался бежать. Любой другой на месте Чу Фэйяна дал бы себе послабление и перестал бы так тщательно следить за противником, но воин не смел расслабляться. Он слишком плохо понимал

кривую логику вынужденного сожителя, и знал, что сейчас переживает лишь временное затишье перед грандиозной бурей. Скорее всего, Цзюнь Шуин пытался усыпить его бдительность, выжидал момента, чтобы сбежать или убить наглеца.

Что ж, при работе с гадюкой любая небрежность недопустима.